

ВАРВАРЫ И ЛЮДИ КУЛЬТУРЫ

С.А. НИКОЛЬСКИЙ

Охлаждение отношений России и Европы во втором десятилетии XXI в. (шире – России и стран Запада) при всей важности конкретных причин имеет и более глубокую основу – активизацию в обоих обществах варварства, претендующего на положение доминирующей силы. Варварство как жизненный уклад, лишенный культуры, возникнув как широкое социальное явление, настолько развилось, что пронизало собой все структуры материальных и духовных практик обоих сообществ. За минувшее столетие оно создало свои институты, идеологию, захватывает позиции во власти, рекрутирует сообщников. В России варварство находит почву как в общей культурной деградации, усилившейся после 90-х гг. прошлого столетия, так и в попытках определенных социальных групп подвести многообразие жизни под каноны консерватизма и традиционализма. При этом некритическое, иногда суеверное отношение к произвольно выхваченным из прошлого идеям и принципам полагается высшей доблестью, именуется «духовными скрепами». В Европе варварство вышло на авансцену в трех формах: общим небрежением культурой; агрессивным противопоставлением мусульманства светскому началу; абсолютизацией индивидуального, рационального и юридического в рамках доминирующей либеральной традиции. Полного понимания феномена современного варварства во всем его многообразии мы, к сожалению, пока не имеем. Что же до нынешнего социально-политического кризиса в отношениях России и Европы, то он осознается в сугубо политико-правовых терминах и не позволяет описать феномен адекватно, т.е. во всем его многообразии. Главная мысль настоящего текста заключается в том, что понимание и одоление варварства является общей целью России и Европы, общим предметом заботы тех, кто варварству противостоит. А противостоять варварству должны все, кто причастен к культуре, иными словами – люди культуры.

Повод вновь обратиться к фундаментальной проблеме отношений России и Европы предоставляет юбилей Владимира Васильевича Вейдле, много сделавшего для понимания сосуществования этих культурных архипелагов. В своем фундаментальном труде «Задача России», изданном в сравнительно недалеком 1957 г., Вейдле утверждал, что «предуказанный» России путь состоит в том, чтобы «сочетать развитие самобытности с участием в европейской жизни»¹. Вывод о дружественном взаимодействии России и Европы делался им не только на основе сиюминутных интересов, но и на основе анализа многовекового опыта. Концепция Вейдле пронизана идеей взаимной

дополнительности базовых ценностей европейской и русской культуры, изначально черпавших силы в общем источнике – христианстве.

В подтверждение правильности этого вывода отмечу, что в идее «сочетания» российско-европейских усилий по окультуриванию народа России состоял главный посыл самого мощного цивилизационного проявления отечественного духа – классической литературы XIX столетия. К сожалению, «предуказанный» России путь участия в общей с Европой жизни сегодня приносится в жертву сиюминутным конфликтам, спровоцированным враждебными культуре силами. В небольшом тексте нет возможности подробно рассмотреть все стороны и качественные составляющие инициированного варварством раскола между Россией и Европой, поэтому я подойду к его анализу только с российской стороны. Тем не менее, высказанные идеи, надеюсь, имеют отношение и к «европейской» составляющей этого явления.

* * *

Осмысление феномена «варварства» сделалось ключевым для российско-европейских культурных связей уже в XX столетии, задолго до современных событий. Впервые в философском контексте в современной гуманитарной мысли оно возникло в 1930 г. В знаменитом труде «Восстание масс» Хосе Ортега-и-Гассет говорил о нем, прибегая к терминам «масса», «толпа», «низы». В трактовке Ортеги, масса – это «всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью»². В противоположность массе, «избранные» это «те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно». «И конечно, – продолжает Ортега, – радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя»³. Для тех, кто «требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства», я и предлагаю термин «люди культуры», потому что только в процессе освоения и пополнения ее богатств люди и могут выходить из состояния варварства, делаться его противниками. Первое обострение болезни варварством Европа пережила после Первой и накануне Второй мировой войны. И если на большей части Европы с разгромом немецкого фашизма болезнь пошла на убыль, то в России она протекала в более затяжной и тяжелой форме – от событий Октября и до начала 90-х гг. К сожалению, излечения не последовало и позднее. Она перешла в скрытую форму и вплоть до недавних событий протекала в виде «холодного» сосуществования бездумных потребителей и людей культуры, созидателей.

Один из первых известных мне российских исследователей, обратившийся к проблеме современного («нового») варварства, — профессор А.А. Кара-Мурза. По его мнению, явление «нового варварства» возникает «при нарастании в социуме паразитарно-дистрибутивных отношений за счет творчески-продуктивных». В предельной форме оно ведет к «дистрибутивному хаосу» и войне всех против всех. В ситуации нарастающего варварства в социуме укореняется фигура с «непродуктивной индивидуальностью», происходит «растранжирование “жизненной силы”, антиправовое покушение не только на чужую собственность, имущество, но и на власть, порядок, авторитет»⁴. Соглашаясь с общим описанием явления, отмечу, что в начале 90-х автор не мог предвидеть новых, прежде не известных черт варварства. Как стало очевидно сегодня, оно органично вошло в сознание, стало природой части власти, которая занялась репродукцией варварства — целенаправленной варваризацией наименее образованной и наименее способной к самостоятельному мышлению части населения.

Феномены цивилизации и варварства в последнее время активно исследуются как в нашей стране, так за рубежом. Глубоко анализируя это явление и критически изучая работы западных коллег, профессор Н.В. Мотрошилова отмечает многомерность этого феномена. По ее заключению, в отношении к природе варварства — это доминирование ее хищнической эксплуатации и расхищения над сбережением и воспроизведением; в человеческой деятельности — сужение системы разделения труда; в отношениях собственности — закамуфлированный псевдо-правом ее захват или передел; в формах совместного бытия людей — ущемление и подавление их прав, гарантий и свобод, равно как и вытеснение форм взаимодействия и сотрудничества конфликтностью и насилием, а высоких образцов культуры — низкими и т.п.⁵

Проявления «нового варварства» характерны как для России, так и для Европы. Констатировать это важно, чтобы утвердить следующее понимание: хотя часто раскол между Россией и Европой проводят по их границе, более глубокий раскол существует внутри каждого из этих сообществ между варварами и людьми культуры. Содержание, а значит, и история вызревания раскола в российском и европейском сообществах существенно различаются, в то же время механизм (процесс) его «снятия» видится схожим и, что еще существеннее, согласованным, а, возможно, и совместным. При всей кажущейся утопичности утверждения такого рода, иного способа создать освобожденное от варварства будущее России и Европы, на мой взгляд, нет.

В этой связи стоило бы подумать об учреждении международного форума по проблемам культуры, аналогичного Римскому клубу и Давосскому экономическому форуму, целью которого стало бы осмысление и организация противостояния «людей культуры»

международному варварству. Пришло время, перефразируя известное утверждение, заявить: «Люди культуры, соединяйтесь!» Задуматься над этой мыслью заставляет прежде всего прошлое. История XX столетия свидетельствует о том, что с нашествием внутренних варваров порознь страны не справляются. Это показали как победы большевиков, опиравшихся на деревенских и городских люмпенов, так и победы в ряде европейских стран нацистов, пришедших к власти на плечах одержимых националистической идеей городских и сельских филистеров.

В чем проявляется раскол между варварами и людьми культуры? Внешне это видится или трактуется в обоих сообществах так, будто разными силами отстаиваются по-разному понимаемые социально-политические и правовые основы общественного устройства. Отчасти это верно, если иметь в виду наличие исключаящих друг друга интересов конкретных людей и общественных групп, их представления о «правильных», в том числе и наиболее эффективных, способах организации и функционирования хозяйственной и общественной жизни. Но сами эти представления производны от культуры, в частности от созданных в ее недрах мировоззренческих систем.

«Восставшими массами» в России с Октября до конца XX в. были организованные властью низы, которые, говоря словами Пушкина, в обстановке «деспотизма, смягченного удушением» под руководством власти создали новый варварский способ хозяйственной и общественной жизни, построенный на эксплуатации человека и природы. Этот способ покоился и одновременно воспроизводил общий низкий уровень культуры. Процесс раскола культуры в России после Октября, ее частичное уничтожение и частичное снижение до низового уровня не стало для страны культурным шоком. Несомненно, что и в XIX в., высокая русская культура жила изолированно, соседствуя с низовой и уповая на времена, когда, по словам поэта, «мужик не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесет». Движению высокой культуры в народные низы не помогли ни толстовские упования на коллективного Платона Каратаева, ни всхлипы о мужике Марее и шовинистические заклинания Достоевского о «всечеловечности» и потому изначальной, данной Богом «высоте» русских над иными народами. При этом следует отметить, что народопоклонство Льва Толстого или Достоевского в русской культуре, при всех усилиях советской пропаганды представить его истинным и всеобщим, на самом деле таковым не было.

Критического мнения о состоянии народных умов держались почти все великие писатели-мыслители XIX в. Среди них, к примеру, были Иван Тургенев, Николай Лесков, Антон Чехов. В своих исследованиях по проблематике русского мировоззрения я эту проблему раскрываю подробно⁶. Здесь же, ограничусь краткими тезисами. Так,

свое мнение о народе в одном из писем Тургенев выразил так: «С моими крестьянами дело идет — пока — хорошо, потому что я им сделал все возможные уступки, — но затруднения предвидятся впереди». И далее: «Будем мы сидеть поутру на балконе и преспокойно пить чай и вдруг увидим, что к балкону из церкви по саду приблизится толпа Спасских мужичков. Все, по обыкновению, снимают шапки, кланяются и на мой вопрос: «Ну, братцы, что вам нужно?» — отвечают: «Уж ты на нас не прогневайся, батюшка, не посетуй... Барин ты добрый, и оченно мы тобой довольны, а все-таки, хошь не хошь, а приходится тебя, да уж кстати вот и их (указывая на гостей) повесить»⁷.

Сострадая тяжкой жизни крестьянства, Чехов свое понимание крестьянской жизни вмещал в формулу: «Кто в деревне не жывал, тот ада не видал». Труд окультуривания, а иногда и очеловечивания русского народа виделся ему великим, многовековым. Вспомним, что самые светлые его герои ожидают наступления всеобщей трудовой жизни никак не менее, чем через двести лет. Похоже, о народе, который «ни поднимать на ходули, ни класть его себе под ноги» не собирався, высказывался Лесков, когда «на старости лет» оценивал надежды революционных демократов на появление в стране «новых людей»: «Хотел бы я воскресить Чернышевского и Елисеева: что бы они теперь писали о “новых людях”?.. Если исправничий писец мог один перепороть толпу беглых у меня с барок крестьян, при их же собственном содействии, то куда идти с таким народом? «Некуда»!.. Рахметов Чернышевского это должен был бы знать!.. Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент?

— Однако у вас, Николай Семенович, никакого просвета не видно.

...Я же чем виноват, если действительность такова!.. Удивительно, как это Чернышевский не догадывался, что после торжества идей Рахметова русский народ, на другой же день, выберет себе самого свирепого квартального... Идеи, которые некому и негде осуществлять, скверные идеи!»⁸

Русская культура XIX столетия при ее отъединенности от народа, была тесно связана с культурой Европы. Как отмечал Вейдле, «русская литература от Лермонтова и Гоголя до наших дней — вся результат переворота, произведенного европейским романтизмом, она участвовала в нем, его продолжила и ни в чем от него не отреклась. Русская музыка больше получила от музыки западной, чем от музыки народной; и больше всего связана она с западной музыкой после Бетховена. Русская живопись, даже та, что в лице Иванова и Врубеля осталась верна религиозной своей основе, возвратиться к иконописи минуя европейское искусство все же не могла, и лишь укореняясь в этом искусстве, подчас находила форму одновременно европейскую и независимую от Запада. Русская философия начинается с Шеллинга и Гегеля, русская наука — с западной науки. Даже

русская богословская мысль столько же исходит из собственной восточно-христианской традиции, сколько из традиции западной философской и богословской мысли. Дело тут не в нашей переимчивости и не в западном засилье, а в том, что на Западе и в России девятнадцатый век — един»⁹.

В то же время, если русские писатели XIX в. «не усваиваются Европой, то лишь по лени, по незнанию языка, по нерадению переводчиков: все они плоть от ее плоти, все они соприродны ей, да и нет в европейской литературе последних пятидесяти лет более европейских имен, чем имена Толстого, ученика Руссо, и Достоевского, поклонника Корнелия и Расина, Жорж Санд, Диккенса и Бальзака. Запад уже не только дает нам свою культуру, но и принимает нашу от нас. Взаимопроницаемость Запада и России, совместимость их, условность и относительность всякого их противоположения таковы, что уже во многих случаях трудно решить, его ли собственный забытый дар возвращает Западу Россия или нечто новое, доселе неведомое ему дарит»¹⁰. Тем не менее культурное единство России и Европы не спасло оба сообщества от волн варварства. И когда в Октябре из рядов радикальной революционной интеллигенции и народного «нутра» вышли бесы, то тут-то и обнаружилось, что великая культура расцветала в варварской стране как редкий, случайный цветок, и были в полной мере осознаны пушкинские слова о том, что если и есть в России европеец, то это правительство.

С темой варварства и культуры наиболее глубоко коррелирует философский дискурс о жизни и смерти. Ведь варварство устремлено к смерти, неизбежно кончается ею, в то время как культура — это луч света, следуя которому человек из пещеры смерти выходит на солнце жизни. По этой причине именно представления о жизни и смерти позволяют лучше осознать содержание понятий варварства и культуры.

В отечественной гуманитарной мысли понятие смерти эволюционировало. В середине XIX в. русская классика изменила прежнее представление о смерти и говорит о ней не просто как об эмпирическом факте, не имеющем отношения к человеческому духовному началу. Смерть осмысливается как переход к жизни вечной и даже возводится в ранг конститутивного момента отечественного мировоззрения. Однако и это понимание смерти не сохранилось на длительное время. Ее новый смысл возникает с приходом послеоктябрьских реалий. И если XIX в. строго отделял смерть от жизни, чем четко обозначал огромное содержание живого, то в XX в. пространство жизни сведено до минимума. Лев Толстой между жизнью и смертью ставил границы. Андрей Платонов осознал жизнь как царство смерти. Проза первого — рассуждения о жизни и смерти живого человека. Проза второго — рассуждение о жизни мертвеца.

В своем осмыслении понятия смерти Лев Толстой стремился следовать сформулированной еще Спинозой и сохранившейся в рационализме XIX в. категоричной позиции: «Человек свободный, т.е. живущий единственно по предписанию разума, не руководится страхом смерти... но стремится к добру непосредственно... т.е. стремится действовать, жить, сохранять свое существование на основании преследования собственной пользы. А потому он ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость есть размышление о жизни»¹¹. Вместе с тем он всегда боялся смерти и потому искал способов, помогающих преодолеть смертный страх. Так, размышляя над юношеским опытом, он открывает для себя, что смерть вторична и менее важна, чем исполнение долга, сохранение человеком достоинства и чести. Осмысливая опыт войны, Толстой обнаруживает, что любовь к родине — более сильное чувство, чем страх перед смертью. Наблюдая жизнь, он видит, что люди всегда до последнего мгновения ищут способа избежать смерти и потому он признает спасительность выработанных людьми «правил остережения» от смерти, установления границ, спасающих от страха перед ней. Смерть, однако, всегда берет над человеком верх и потому мудрому человеку необходимо найти в себе силу и основания для смирения перед ней. И, наконец, Толстой открывает, что может быть единственной избавительницей от страха смерти оказывается любовь, когда человек преисполняется любовью к другому.

В отличие от великих предшественников XIX столетия, Андрей Платонов не имел надежды на лучшее. Наследуя идею свободы от Пушкина, он жил в созданной большевизмом тюрьме. Мечтая, подобно Гоголю, о живом человеке, он был не в силах вырваться из нового царства мертвых душ. Ощущая вместе с Гончаровым животворящее вращение колеса жизни, не видел для человека возможности выйти за пределы уничтожаемого смертью бытия, протекающего среди уродуемой природы. Андрей Платонов, как и Лев Толстой, искал формулу сопряжения жизни и смерти, и так же ее не находил. Его герои, как у Чехова, пронизаны неизбежной тоской. Но если у автора «Вишневого сада» тоска — преддверие смерти не уничтожает надежды спастись, то у Платонова — это начало смертной агонии¹².

В огромном и разнообразном платоновском мире есть одна общая для всего скрепа — смерть. И обретается она не только там, где была в русской литературе прежде, за границей жизни. Большевизм втащил ее через порог в человеческий дом, и теперь она заменила жизнь. Сказать, кто из героев Платонова жив (пока жив), а кто уже мертв, нельзя. Все существуют в стадии перехода от жизни к смерти и разница между ними лишь в том, что одни находятся в начале умирания, другие на пороге могилы, а третьи мертвы. Царство смерти везде, а второго пришествия и воскресения мертвых не будет¹³.

Продолжит ли Россия путь к свету жизни или, не имея сил противиться инерции, погрузится в хаос смерти? Так в наши дни стоит вопрос о варварстве и культуре. Трагическое положение России состоит в том, что она до известной степени приучена к жизни вне культуры, т.е. к варварству. Весь XX в. высокая русская культура, если и выживала, то ютилась по краям жизни. Ее части если и предлагались «массам», то в усеченном до примитивности виде и не мудро, что такими же, далекими от подлинной культуры, «массы» и становились. К тому же связь между высокой дооктябрьской культурой и культурой нынешней разорвана и сегодня едва теплится сама память о ней. Похоже, мы вступили в новое общественное состояние, смысл которого — попытка жить без культуры, жить в варварстве. Преобладающие в обществе потребительские отношения, вытесняющие или уничтожающие между индивидами отношения творческие — не некая отличная от субъектов субстанция. Это форма неправильной реализации индивидуальной самости каждого, его неразвившегося собственного. Гипертрофия потребностей и атрофия способностей — базовая характеристика, которая в конечном счете определяет формирование массы новых варваров, делает возможной их попытку доминирования над людьми культуры. Массовый психоз с целью обладания и потребления — состояние, в котором с начала 90-х гг. прошлого века мы пребываем и которое наречено «стабильностью».

Говоря о личностном начале индивида, нельзя забывать и о так называемой среде. При этом представление о роли «окружающей обстановки» не должно быть ни преувеличено, ни преуменьшено. Конечно, в контексте отечественной гуманитарной традиции тезис о роли «среды» может восприниматься критически. Ведь совсем недавно — в «марксистские», а до них — в «революционно-демократические» времена, указание на нее считалось тем, от чего, как полагали, полностью зависит внутреннее содержание каждого индивида. Но для человека, становление которого проходит в рамках развития индивидуального начала и взаимодействия со средой, есть общий знаменатель — культура. С одной стороны, она выступает предметом, осваивая который индивид развивается. С другой, в культуре индивид обретает инструмент, посредством которого происходит его непрерывное становление. Культура может жить и живет только в человеке. И логика ее жизни не укладывается в рамки государственных границ. Тем более, если жизнь человека культуры требует одоления национального и интернационального варварства. В каких конкретных формах состоится объединение людей культуры против новых варваров, сказать сложно. Но нет сомнения, что именно их объединение является главным и определяющим условием продолжения жизни.

Начав с констатации факта активизации в российском и европейских сообществах варварства, претендующего на положение

доминирующей силы, завершу следующим. Единственной формой существования варварства как негативного феномена является паразитирование на чем-то позитивном, на культуре. Как только этот предмет исчезает, варварство теряет источник своего существования и должно погибнуть. Вывод этот, однако, не может считаться обнадеживающим, оптимистическим в том смысле, что сознавая такую перспективу, варварство должно найти способ сосуществования с культурой. Рефлексивного механизма и, как следствие, способности изменить траекторию, приводящую к гибели, в варварстве нет. Будучи однажды запущенным, этот процесс не прекратится, пока не завершится естественной гибелью. Поэтому все наши надежды на благоприятное разрешение ситуации должны быть связаны с культурой. И приступая к работе, мы должны помнить, что «от сегодняшней мысли зависит завтрашняя жизнь на площадях»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вейдле В.В. Задача России. – Мн., 2011. С. 3.
- ² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М., 2003. С. 19.
- ³ Там же.
- ⁴ Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. – М., 1995. С. 26.
- ⁵ Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство. – М., 2010. С. 101 – 105.
- ⁶ См., например: Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. В 3 т. Т. I. Смыслы и ценности российской жизни в философских и литературных произведениях XVIII – середины XIX столетий. – М., 2008; Т. II. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40 – 60-х годов XIX столетия. – М., 2009; Т. III. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40 – 60-х годов XIX столетия». – М., 2012.
- ⁷ Труайя А. Иван Тургенев. – М., 2005. С. 139.
- ⁸ Цит. по: Аннинский Л.А. Катастрофа в начале пути // Лесков Н.С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. – М., 1993. С. 690.
- ⁹ Вейдле В.В. Задача России. – Мн., 2011. С. 20.
- ¹⁰ Там же. С. 21.
- ¹¹ Спиноза Б. Избр. произв. В 2 т. Т. 1. – М., 1957. С. 576.
- ¹² Для знакомства с этой проблемой укажу на статью В.Н. Поруса «Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов» (Вопросы философии. 2014. № 1).
- ¹³ Подробнее о теме смерти см.: Никольский С.А. Смерть в осмыслении русской литературы (Лев Толстой и Андрей Платонов) // Проблемы философии культуры. Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2014.
- ¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М., 1991. С. 12.

REFERENCES

- Anninskiy L.A. The Catastrophe in the Way Beginning. *Leskov N.S. Collected Works*. 6 volumes. Vol. 1. Moscow, 1993 (in Russian).
- Kara-Murza A.A. "New barbarism" as a problem of the Russian civilization. Moscow, 1995 (in Russian).
- Motroshilova N.V. *Civilization and Barbarism*. Moscow, 2010 (in Russian).
- Nikolsky S.A. The Death in the Understanding of Russian Literature (Leo Tolstoy and Andrei Platonov). *Problems of Philosophy of Culture*. Issue 2. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 2014 (in Russian).
- Nikolsky S.A., Filimonov V.P. The Russian outlook. 3 volumes. Moscow, 2008, 2009, 2012 (in Russian).

- Ortega y Gasset J. *What is Philosophy?* Moscow, 1991 (trans. in Russian).
Ortega y Gasset J. *The Rebellion of the Masses*. Moscow, 2003 (trans. in Russian).
Porus V.N. The Being and the Longing: A.P. Chekhov A.P. Platonov. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2014. No 1 (in Russian).
Spinoza B. *Selected Works*. 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1957 (trans. in Russian).
Troyat H. *Tourgueniev*. Moscow, 2005 (trans. in Russian).
Veidle V.V. *Russia's task*. Minsk, 2011 (in Russian).

Аннотация

В последние десятилетия в российском и европейских сообществах активно проявляется феномен варварства. Оно даже начало претендовать на положение доминирующей силы. Формой его существования является паразитирование на культуре. Могут ли люди культуры в России и Европе одержать победу над варварством по отдельности? Трагический опыт нацизма и сталинизма такую надежду исключает. Надежду на одоление общего врага дает объединение культурных сил.

Ключевые слова: культура, варвары, цивилизация, гуманизм, интеллигенция, народ.

Summary

In the recent decades, the phenomenon of barbarism actively manifests in the Russian and European communities. It begins even to claim the position of the dominant power. The form of its existence is parasitic on the culture. Can the people of culture in Russia and Europe gain a victory over barbarism separately from each other? The tragic experience of Nazism and Stalinism excludes such a hope. The hope for overcoming the common enemy is given by the union of cultural forces.

Keywords: culture, barbarians, civilization, humanism, the intelligentsia, the people.